

Н. В. ГРИШИНА

**СОТВОРЕНИЕ ИСТОРИКА: ПЕРИПЕТИИ ПУТИ
В НАУКУ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА
(НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)**

В статье рассматривается начальный этап профессиональной карьеры историков С.В. Бахрушина, С.И. Архангельского, Н.М. Дружинина. Рассматриваются характерные черты жизни российских университетов на рубеже XIX–XX вв. На основе статистических данных характеризуется система преподавания на историко-филологическом факультете Московского университета.

Ключевые слова: Московский университет, «университетский вопрос», модернизация, система преподавания, С.И. Архангельский, С.В. Бахрушин, Н.М. Дружинин.

В 2012 г. отмечается 130-летний юбилей со дня рождения известного историка – специалиста по всеобщей истории и краеведческой проблематике – Сергея Ивановича Архангельского (1882–1958). Его путь в науке, пришедшийся на первую половину XX столетия – один из самых сложных периодов в жизни российского общества, оказался богат на крутые повороты, смелые проекты, драматические события¹.

О начальной стадии его формирования как ученого-историка известно немного. Поступив в 1900 г. на историко-филологический факультет Московского университета, уже через два года он был исключен из *alma mater* за участие в студенческих волнениях. Свое обучение Архангельский завершил в 1906 г., после чего вернулся в Нижний Новгород, где преподавал и занимался наукой всю оставшуюся жизнь.

Данная статья нацелена на создание контекста профессионального становления историка-юбиляра, происходившего в стенах Московского университета в начале XX века.

***Российские университеты начала XX века:
кризис университетской идеи***

К концу XIX в. университеты продолжали соответствовать тому образцу научно-образовательных учреждений, который навязывало им государство, и выполняли функцию воспроизводства социальной элиты. Университетское образование гарантировало выпускникам возможность построения успешной карьеры на государственной службе или в городском хозяйстве. При этом модернизационные процессы, переживаемые

¹ Кузнецов. 2009. С. 146–168.

российским обществом, способствовали значительным изменениям университетской культуры. Уже в начале XX в. «общий тезис об этатизации российского общества» был скорректирован ввиду «глубоких изменений, которые претерпел мир университетов в силу его диверсификации и вызова со стороны специальной школы». Особо ощутимым этот процесс стал в ходе революции 1905–1907 гг., когда «на смену сословным представлениям или идеологемам о единстве корпорации (революционного студенчества или независимых профессоров) <...> приходит осознание кризиса прежних идей и понимание реальной социальной и культурной дифференциации модернизирующегося общества»².

Таким образом, в жизни университетов в России как значимой части социального пространства в период 1890-х – 1917 гг. сочетались две взаимосвязанные тенденции. Внутреннее развитие университетов было сопряжено с борьбой профессорской корпорации за автономию и свободу научного творчества. Кроме того, университеты были включены в общественно-политические макропроцессы, начиная от участия преподавателей и студентов в партийной работе и деятельности в представительных органах власти и заканчивая выработкой позиции по отношению к военным действиям, в которых принимала участие империя. Взаимодействие ученых, студенчества, различных обществ, землячеств и государства на рубеже веков весьма интенсифицировалось. Острым вопросом, в ходе обсуждения и решения которого смыкались научные и общественные интересы всех заинтересованных сторон, стал так называемый «университетский вопрос»³.

Условно в жизни университетов в начале XX столетия можно выделить несколько этапов. До первой российской революции вышеназванные тенденции нарастали постепенно: научное сообщество было в большей степени ориентировано на внутренние проблемы своего существования, суть которых сводилась к обретению научной автономии. В первую очередь, речь шла о принятии нового устава, изменении системы преподавания и диссертационных требований, а также расширении возможностей для организации различных собраний и обществ⁴.

В 1905–1907 гг. приоритеты всех участников университетского пространства были сосредоточены на революционных событиях, происходящих в стране. В 1905 и частично в 1906 гг. университеты были за-

² Дмитриев. 2009. С. 175–176.

³ Подробнее о социальной истории университетов и современном понимании «университетского вопроса» в указанный период см.: Дмитриев. 2009. С. 111.

⁴ См. подробнее: Завьялов. 2006. С. 105–111; Маркин. 2009. С. 14–17; Алеврас, Гришина. 2011. С. 221–247; и др.

крыты, преподавание в них прекращено, университетские аудитории использовались в основном как политические трибуны⁵. «Университетский вопрос» понимался весьма широко, требования внутренней автономии увязывались с общим положением дел в стране. Вместе с тем именно в этот период профессорскому лобби удалось настоять на введении Временных правил управления университетами, повысившими роль вузовских советов в принятии решений.

В дальнейшем до 1914 г. произошла относительная нормализация университетской жизни. Хотя в этот период некоторого затишья в стенах университетов происходили всплески общественно-политического движения, что подтверждают студенческие волнения 1908 и 1911 гг. в Петербурге⁶ и массовый «исход» либерально-настроенных преподавателей, недовольных политикой Л.А. Кассо, из Московского университета в 1911 г.⁷ В целом университетское сообщество возвратилось к обсуждению внутренних проблем научной жизни. Получил широкий общественный резонанс вопрос о новом университетском уставе, поднятый министерско-профессорской комиссией в 1906 г.⁸, вновь возросло участие государственных структур в управлении университетами. По меткому замечанию современника, «одной рукой в университеты переносилась западная наука, без которой, – по собственному признанию правительства, – они являются “ничтожными и бесполезными” учреждениями; с другой – на университеты налагается новая крепкая узда, и при таких условиях самый подъем научного и морального достоинства профессорской коллегии является источником новых мучительных страданий в жизни русской высшей школы»⁹.

Завершающий период жизненного цикла дореволюционной университетской системы пришелся на годы Первой мировой войны и революционных событий 1917 г. В это время усилился так называемый «интернационализм патриотов» и процессы «мобилизации интеллекта», отражающие распространение на классические вузы задач по разрешению насущных общественных проблем¹⁰. Университеты, наряду со специализированными научными институтами, активно включились в процесс обеспечения государственных потребностей, как в плане сбора средств на нужды войны и предоставления своих помещений под гос-

⁵ См. подробнее: *Иванов*. 1971. С. 114–149.

⁶ См.: *Савельева, Яковлев*. 1979. С. 168–174; *Яковлев*. 1983. С. 14–19.

⁷ См. подробнее: *Вернадский*. 1912. С. 323–341; *Сперанский*. 1914. С. 109–114.

⁸ *Сакулин*. 1906. С. 87–110; *Виноградов*. 2008. С. 167–172; *Выдрин*. 1910. С. 70–79.

⁹ *Сперанский*. 1914. С. 25.

¹⁰ См., например: *Дмитриев*. 2001. С. 296–335; *Дмитриев*. 2007. С. 236–255.

питали, так и в сфере практико-ориентированных научных исследований и осуществления пропагандистских мероприятий. Внутри университетов появляются новые научные институты, целью которых было обслуживание государственных интересов через проведение коллективных исследований. Даже после реструктуризации университетов на рубеже 1910–20-х гг. отношение некоторых представителей профессорско-преподавательской корпорации к появлению внутри университетов институтской системы встречалось весьма настороженно. Так, уже в 1920 г. в Петрограде на июньском заседании совета во время оглашения проекта положения об институтах Петроградского университета профессор С.А. Жебелев высказал особое мнение: «Учреждение особых Институтов в составе Университета наносит несомненный ущерб идее Университета как таковой и стоит в явном противоречии с тем представлением, какое до сих пор связано было с понятием “Universitas”»¹¹. Мнения профессоров по этому вопросу разделились. Одни считали, что институты «будут способствовать развитию научной работы, облегчат как дело постановки практических занятий в Университете, так и дело ознакомления широких кругов населения с известными отраслями знаний...». Другие отмечали, что «проектируемая мера приведет к развалу Университета – гибели Университета». Третьи говорили, что сама идея Институтов возражения не вызывает, но требует доработки выработанный проект Положения об Институтах. В итоге проведенного голосования перевес голосов (за – 55, против – 10, воздержались – 11) оказался на стороне тех, кто видел в институтах необходимое подспорье для разрешения научных проблем¹². В целом, эта ситуация отражает и межпоколенную борьбу между профессорами – в большинстве своем сторонниками сохранения эксклюзивного положения университетов наряду с другими образовательными учреждениями, и младшими преподавателями, которые в основном поддерживали создание новых исследовательских структур, дававших дополнительные возможности для профессионального продвижения.

Несмотря на частое отсутствие взаимопонимания, государство подключало представителей университетов к обсуждению различных реформаторских проектов, а ученые в своих воззваниях и статьях обращались не только к передовым общественным силам, но и к государству. В частности, в канун 1905 г. учеными была подготовлена так назы-

¹¹ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 16. Протоколы заседаний Совета Петроградского Университета 1918–1922 гг. Л. 159.

¹² Там же. Л. 159–160об.

ваемая «Записка 342-х», ставшая квинтэссенцией переживаний и чаяний научного сообщества. Помимо традиционных указаний на важность университетского образования и недостаточное внимание государства к нуждам начальной, средней и высшей школы, авторы записки любые действия власти по отношению к университетам оценивали как посягательство на академическую свободу: «Оказавшееся столь плодотворным у всех просвещенных народов начало академической свободы у нас совершенно подавлено. В наших высших учебных заведениях установлены порядки, стремящиеся сделать из науки орудие политики. Правильное течение занятий постоянно прерывается студенческими волнениями, которые вызываются всею совокупностью условий нашей государственной жизни. <...> Целым рядом распоряжений и мероприятий преподаватели высшей школы низводятся на степень чиновников, долженствующих исполнять приказания начальства»¹³.

Попытки сохранить «чистоту» университетской идеи можно наблюдать на протяжении всего изучаемого периода. Вопрос об университетском статусе поднимался во время работы комиссии по преобразованию высших учебных заведений в 1902 г., обсуждении Временных правил управления университетами в 1905 г., на совещании профессоров по университетской реформе 1906 г., при обсуждении нового устава и диссертационных требований в 1917 г. Зачастую в ходе этих обсуждений вскрывалась свойственная российской научной среде идейная оппозиция по отношению к государственным инициативам, что выглядело еще более драматично, учитывая традиционную зависимость университетов от государственной поддержки. Так, в октябре 1917 г. при обсуждении проекта министерства о том, что для получения звания приват-доцента достаточно представить сочинение *pro venia legendi*, не подвергаясь магистерским испытаниям¹⁴ один из ординарных профессоров Московского университета М.М. Покровский высказал достаточно типичную мысль: «России нужна настоящая наука. Правда, по мнению некоторых ученых, задача университета в том, чтобы давать лишь экстракт науки, но этот экстракт могут дать только хорошие ученые. Университеты с неполноправными преподавателями надо назвать другим именем. Такие попытки понизить научный уровень преподавателей абсолютно вредны: это не демократизация, а вульгаризация знания. Очень жаль, что такие проекты исходят от людей заведомо ученых»^{15, 16}.

¹³ Записка 342-х ученых...

¹⁴ См. подробнее об этом обсуждении: Гришина. 2011. С. 172–180.

¹⁵ Подчеркнутая фраза написана поверх слова *государственных*.

В новое столетие университеты вошли в измененном статусе – не только в качестве традиционных мест знания, но и как площадки для озвучивания будораживших российское общество политических идей. Такое положение университетов, наряду с возраставшей конкуренцией со стороны узкоспециальных учебных заведений прикладного характера и остававшимся неэластичным спросом на научных работников, порождавшим либо их переизбыток в «старых» университетских центрах, либо острый дефицит на периферии, оцениваются современной историографией как кризис. Перманентный кризис Московского университета, по мнению Д. Цыганкова, стал характерной чертой развития университетского пространства Москвы начала XX века: «В эпоху углубляющейся специализации и создания научных коллективов для решения приоритетных научных задач Московский университет <...> оставался научным подразделением прошлого...»¹⁷.

Историко-филологический факультет Московского университета в конце XIX – начале XX в.

Что представлял собой в то время историко-филологический факультет? Студенту начала XX в. Н.М. Дружинин, будущий советский историк, спустя более полувека, вспоминал: «Московский университет продолжал жить на основе реакционного устава 1884 г. – с окаменелыми программами, узкоформальными правилами, придирчивой инспекцией и изрядным процентом реакционной, сугубо “академической” профессуры. В аудиториях историко-филологического факультета, особенно на лекциях филологов или маститого историка В.И. Герье, царила достаточно затхлая атмосфера. Но и здесь современная жизнь вторгалась в замкнутые двери отгороженного “храма науки” и наполняла новым содержанием его устарелые формы. На лекции В.О. Ключевского собирались студенты различных факультетов – не меньше, чем на лекции К.А. Тимирязева, которые слушали естествоиспытатели. Н.А. Рожков и А.А. Кизеветтер читали параллельные курсы на тему “Отмена крепостного права”, первый – в экономическом плане, второй – в либерально-конституционном духе. Даже доцент И.И. Иванов, вовсе не отличавшийся радикальными взглядами, объявил курс на заманчивую тему: “История германской социал-демократии”»¹⁸.

С 1884 г. в составе историко-филологического факультета Московского университета действовало два отделения – историческое и фило-

¹⁶ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 476. Д. 423. Протоколы заседаний ИФФ и материалы к ним. 19.09.1917 – 24.10.1917. Л. 64.

¹⁷ Цыганков. 2009. С. 449.

¹⁸ Дружинин. 1967. С. 10.

логическое. С 1885 по 1917 гг. на факультете числилось 10 кафедр: всеобщей истории, русской истории, философии, классической филологии, сравнительного языкознания, русского языка и литературы, славянской филологии, истории западноевропейских литератур, истории церкви, теории и истории искусств. По уставу 1884 г. штат преподавателей составил 12 ординарных и 5 экстраординарных профессоров, число приват-доцентов не регламентировалось. К 1913 г. на факультете преподавали 19 профессоров и 27 приват-доцентов¹⁹.

Анализируемый период характеризуется быстрым ростом студенчества, значительно опережавшим процесс приращения преподавательских кадров. Общее число студентов, обучавшихся в российских университетах, выросло с 12450 в 1884 г. до 36339 к 1910-м годам²⁰. По данным А.Е. Иванова, в Московском университете в 1907/08 учебном году числился 8301 студент, что составляло 22,8% от всего российского студенчества. По этому показателю Московский университет уступил первенство Петербургскому (26,5%), хотя в предыдущие и последующие годы Москва находилась на лидирующих позициях²¹. На историко-филологическом факультете число студентов также возрастало (что отражало общий процесс роста учащейся молодежи): 217 – в 1895, 590 – в 1905, 823 – в 1913, 1066 – в 1915 гг.²². При этом по общей численности студентов он уступал остальным трем факультетам университета.

Студенты начала века были представлены несколькими типажам. Мемуарная и вслед за ней историографическая литература оказались богаты на представления об основных типах российских студентов, среди которых выделялись «будущие ученые»; «студенты-зубрилы» – будущие исполнительные чиновники; «карьеристы», «белоподкладочники», для которых университет был лишь необходимым злом, досадной задержкой перед началом успешной карьеры на чиновничьем поприще; «студенческий шлак»²³. Выделяется также социальный тип «вечного студента»²⁴, особо распространившийся после 1906 г., существование которого оказалось возможным в виду несовершенства предметной системы обучения, при которой срок обучения в университете не был жестко ограничен. Черты этих идеальных типов российских студентов в реальности часто пересекались, а в начале XX в. к ним приме-

¹⁹ Андреев. 2010. С. 278–279.

²⁰ Федотова. 2008. С. 20.

²¹ Иванов. 1991. С. 23.

²² Гутнов. 1991. С. 65.

²³ См.: Кизеветтер. 1997. С. 35–44; Иванов. 2010. С. 11–15.

²⁴ Дмитриев. 2009. С. 131–132.

шивалась необходимость определиться в отношении к общественно-политической ситуации. В итоге стали появляться новые классификации студенческой среды. Она была представлена группами «индифферентных» студентов, близким прежним «карьеристам», позиционировавших себя вне политики; студентов-«академистов», включенных в борьбу за обретение университетами академической свободы; а также «политиками» разного толка и идейной окраски²⁵.

До 1906 г. действовала курсовая система обучения. В ее основе лежал строгий график учебного процесса, при котором все учебные дисциплины были распределены по годам обучения. В ходе реформаторских инициатив И.И. Толстого курсовая система была заменена предметной, которая предполагала, что студент должен прослушать определенное число учебных дисциплин и отчитаться по ним, но их распределение по годам обучения зависело от самого студента²⁶. Кроме того, в рамках одного учебного плана студент имел свободу выбора специальных курсов и семинарских занятий, носивших факультативный характер.

Определенному реформированию подверглись требования к курсовым испытаниям. Причем их изменение опередило начало обсуждения проекта нового устава и внедрения предметной системы обучения. Новые экзаменационные требования были введены в 1890 г. и гласили, что «к предметам общеобязательным, находящимся в составе окончательного испытания относятся древние языки, древняя история, русская история, церковно-славянская грамматика в связи с грамматикой русской и история древней философии»²⁷. Как видно, некоторые исторические разделы, в первую очередь, новая история в перечень обязательных квалификационных экзаменов не входили.

Вместе с тем, в учебных планах новым дисциплинам удалось зарезервировать за собой определенное количество учебного времени. Хотя большая часть учебной нагрузки продолжала распределяться, согласно действующему уставу, на классическую филологию, постепенно увеличилось количество часов на всеобщую и русскую историю. По подсчетам Д.А. Гутнова, их общая доля составляла около 60% в общем числе ежегодно проводимых занятий. Кроме того, выросло среднее число занятий, посвященных истории Нового времени – с 2–7 в 1890-е гг. до 9–13 в 1900–1904 гг.²⁸ В программах появились лекции и семинары, посвященные рассмотрению тех аспектов исторического развития, кото-

²⁵ Иванов. 2004. С. 293–294.

²⁶ Дружинин. 1967. С. 16.

²⁷ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 476. Д. 304. Л. 2.

²⁸ Гутнов. 1991. С. 56–59.

рые не были представлены в более ранний период. Так, «с 1896 г. в Учебный план занятий включаются спецкурсы по истории экономики, а в 1896 г. – по истории социальных отношений. <...> Возросло число занятий, в названиях которых прослеживается интерес к политической истории. Так, в 1890 г. по этим сюжетам в программе был заявлен только 1 курс, а в 1904 г. их читалось целых 5»²⁹.

Также важно отметить увеличение общей доли практических занятий, семинариев и просеминариев в системе университетского преподавания. В частности, по кафедре русской истории, по данным университетских отчетов, в 1900 г. упор делался на разбор источников русской истории (В.О. Ключевский) и памятников литовско-русского законодательства (М.К. Любавский). В 1901 г. прошли занятия по обзору главных источников русской истории (В.О. Ключевский), изучению литовского статута (М.К. Любавский), разбору источников по истории крестьян в России (Н.А. Рожков) и реформам Петра Великого (М.М. Богословский). В 1903 г. был осуществлен разбор рефератов по русской истории, памятников литовско-русского права, «Русской Правды» и «Начальной летописи» (М.К. Любавский), разбор рефератов по истории России XVIII – начала XIX в. (А.А. Кизеветтер), проведены практические занятия по истории крестьянства (Н.А. Рожков) и истории петровских реформ (М.М. Богословский)³⁰. В дальнейшем количество практических занятий в структуре преподавания лишь нарастало.

Подводя итог анализу статистических сведений о профессорско-преподавательском составе, количестве студентов и организации процесса обучения на историко-филологическом факультете рубежа XIX–XX вв., подчеркнем: во всех этих аспектах заметно влияние нарастающих процессов демократизации и модернизации российского общества.

Несколько эпизодов подготовки ученых-историков (С.В. Бахрушин, Н.М. Дружинин, С.И. Архангельский)

Политизация социального пространства на рубеже XIX–XX вв. сказалась не только на формальных условиях функционирования университетов (учебные планы, расписание занятий), но повлияла и на самооощущение профессорско-преподавательского состава, заставила во многом переосмыслить свое профессиональное предназначение. Студенческая молодежь также предъявляла новые требования к университетскому образованию. В этой связи возникает целый ряд вопросов, сводящихся к причинам выбора молодыми людьми, по определению переживающими

²⁹ Гутнов. 1991. С. 56–57.

³⁰ Отчет... 1901. С. 25; Отчет... 1902. С. 25–26; Отчет... 1903. С. 27.

в этом возрасте «мотивационную борьбу», в качестве будущей профессии науку³¹. Какие возможности давал историко-филологический факультет для начала научной карьеры? С каким багажом знаний и навыков покидали его стены выпускники?

В центре нашего внимания оказались три выпускника историко-филологического факультета, обучавшиеся в начале XX в. Сергей Владимирович Бахрушин был студентом в 1900–1904 гг. Сергей Иванович Архангельский изначально был однокурсником Бахрушина, однако будучи на несколько месяцев исключенным из университета в 1902 г., закончил свое обучение только в 1906 г. Николай Михайлович Дружинин поступил на истфил в 1904 г. и окончил его только в 1918 г. Его студенчество несколько раз прерывалось отвлечением на участие в политике или мобилизационных военных кампаниях государства.

Несмотря на некоторое расхождение в сроках обучения, все трое называли своими учителями одну и ту же группу преподавателей. Можно утверждать, что в плане профессорско-преподавательского состава первое десятилетие XX века стало благодатным периодом в развитии факультета. В это время на факультете уже были видны очертания научной школы историков-русистов, воспитанных на идеях В.О. Ключевского. Сам Ключевский находился на пике своей лекторской славы; читали лекции и вели семинары его ученики М.К. Любавский, М.М. Богословский, А.А. Кизеветтер, Н.А. Рожков. На кафедре всеобщей истории сложились две конкурирующие группы историков. С одной стороны, продолжал преподавательскую деятельность один из родоначальников семинарской системы в Московском университете В.И. Герье, чьи ученики (Р.Ю. Виппер, С.А. Котляревский) во многом определяли не только облик читаемых курсов по всеобщей истории, но и кадровую политику кафедры. С другой стороны, произошло кратковременное возвращение в *alma mater* ученика В.И. Герье, обретшего научную самостоятельность и европейскую известность, П.Г. Виноградова, под чьим влиянием сложились такие ученые как Д.М. Петрушевский и А.Н. Савин.

Дружинин выделял среди всех преподавателей факультета Виппера и Богословского³². Первый оказал на него идейное влияние, второй – научил работать с историческими источниками. Архангельский в автобиографии отмечал влияние на собственное научное становление Виноградова, Виппера, Ключевского и Савина³³. Исследователи его творче-

³¹ См. подробнее: *Гришина*. 2009. С. 152–177.

³² *Дружинин*. 1967. С. 22–25.

³³ *Кеткова, Телегина*. 2000. С. 187–188; *Кузнецов*. 2009. С. 149.

ства несколько расширили круг преподавателей, оказавших воздействие на становление Архангельского как ученого. В частности, методику работы с историческими документами он осваивал в семинариях Богословского, что открыло Архангельскому в дальнейшем возможность занятий не только всеобщей историей, по которой он специализировался со студенческой скамьи, но и на ниве краеведческих исследований проблемами отечественной истории³⁴.

Схожий перечень дал в официальной биографии, составленной в 1940-е гг., С.В. Бахрушин: «Я слушал ветеранов буржуазной историографии – Ключевского, Герье и Виноградова, лекции которых дали мне первое представление о научной работе над источниками. Рядом с ними выступало уже более молодое поколение историков – Рожков, Кизеветтер, Богословский, ученики Ключевского, но уже искавшие новых путей. С благодарностью вспоминаю и лекции по римской литературе М.М. Покровского, которые вместе с лекциями Герье и Виноградова давали очень много для преодоления привитого средней школой акритического доверия источникам»³⁵. В дневниковых записях Бахрушин более откровенен. Он не только уточнил круг своих учителей (например, назвал М.К. Любавского, не упомянутого в официальной биографии), но и отказался от апологетической оценки их способностей. В частности, Бахрушин писал, что ученики Ключевского «все одинаково шли по стопам своего учителя, лишь изредка позволяя себе дополнять или исправлять его в несущественных деталях»³⁶. Единственным приват-доцентом, кто пытался противопоставить схеме Ключевского свой взгляд на русский исторический процесс был Н.А. Рожков. Но, по мнению Бахрушина, «не ему было подорвать авторитет Ключевского в студенческих массах»³⁷. Схема исторического процесса, предложенная Рожковым, казалась элементарной, и после пары прослушанных лекций Бахрушин перестал посещать его курс.

В целом система преподавания на историко-филологическом факультете оценивается Бахрушиным с критических позиций. «Московский университет в те годы, когда я его посещал, мало способствовал созданию определенного исторического мирозерцания. Преподавание, в сущности, было поставлено элементарно и догматически, и нас

³⁴ Кузнецов, Мельников. 2006. С. 168–194.

³⁵ АРАН. Ф. 624. Оп. 2. Д. 3. Автобиография и сведения о научно-педагогической деятельности С.В. Бахрушина. Л. 8.

³⁶ АРАН. Ф. 624. Оп. 2. Д. 70. «Table-talk». Отрывки их дневников, заметки по различным вопросам, воспоминания, стихотворения, перевод. Л. 41.

³⁷ Там же. Л. 43.

мало вводили в суть научных разногласий. Достаточно сказать, что о Шахматове мне случайно сказал М.К.Л. [Матвей Кузьмич Любавский – Н.Г.] после обсуждения моего доклада о «Начальной летописи» в его семинарии...»³⁸

Склонности к исследовательской работе заставляли студентов преодолевать шероховатости в системе преподавания, составлять самостоятельную программу подготовки. Так, Бахрушин по своей инициативе ознакомился с работами Шахматова и даже провел по его методике сличение летописных сводов³⁹. Дружинин выработал собственную программу занятий, включавшую посещение обязательных лекций и семинаров в университете и самостоятельное освоение интересовавших его вопросов под руководством «Программ домашнего чтения»⁴⁰. Архангельский много усилий тратил на языковую подготовку. В университете он отточил гимназические знания по латыни, французскому языку, выучил итальянский, а немецкий и английский освоил самостоятельно⁴¹.

После окончания университета каждого из трех выпускников института ждал свой путь в науку. Бахрушин в полной мере воспользовался формальной процедурой «оставления для подготовки к профессорскому званию»⁴². В дневнике он писал: «По окончании Любавский, отозвав меня в уголок, сказал, что хочет представить меня к оставлению при Университете, и указал, какие нужны для этого формальности. Так эта сторона моей будущей деятельности сложилась вполне по моему желанию, без особенных усилий с моей стороны. Давно ли представлялось оставление при университете недостижимой целью, давно ли я был убежден, что ученая деятельность не встретит сочувствия у меня в семье...»⁴³. В 1906 г. Любавский признал научную подготовку Бахрушина вполне удовлетворительной⁴⁴. В апреле 1909 г. Бахрушин был допущен к чтению пробных лекций по темам «Княжеское хозяйство в Северо-Восточной Руси в XV и 1-й половины XVI вв.» и «Комиссия об учреждении училищ при Екатерине II». Чтение обеих лекций было оценено факультетом как весьма удовлетворительное. В сентябре 1909 г. Бахру-

³⁸ Там же. Л. 40.

³⁹ Там же. Л. 40–41.

⁴⁰ Дружинин. 1967. С. 11.

⁴¹ Кеткова, Телегина. 2000. С. 188.

⁴² Свешиников. 2011. С. 165–171.

⁴³ АРАН. Ф. 624. Оп. 2. Д. 70. «Table-talk». Отрывки их дневников, заметки по различным вопросам, воспоминания, стихотворения, перевод. Л. 15.

⁴⁴ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 476. Д. 33. Протоколы заседания совета историко-филологического факультета за 1906 год. Л. 59.

шин был утвержден в звании приват-доцента⁴⁵. Однако написание диссертации Бахрушиным замедлилось из-за увлечения им политикой. Его возвращение в науку состоялось в 1918 г., когда он был утвержден в качестве профессора Московского университета.

«Оставление» Дружинина при кафедре состоялось по рекомендации Богословского в 1918 г. Внешние обстоятельства оказывали колоссальное влияние на его научную подготовку. В отчете о своих научных занятиях за 1918–20 гг. он замечает: «К сожалению, крайняя ограниченность времени мешала мне целиком отдаться предпринятой работе: в течение первого года подготовки я мог посвящать научным занятиям только вечерние часы, в течение второго года, вследствие вынужденного поступления на службу в Военный Комиссариат <...> и суровых условий современной жизни я мог уделять своей научной работе еще меньше времени...»⁴⁶ Лишь в 1921 г. уже как сотрудник РАНИОН Дружинин смог продолжить свои научные занятия на постоянной основе.

Архангельский не попал под воздействие формальных процедур «оставления для подготовки к профессорскому званию». Вполне вероятно, что этому помешала его замешанность в студенческих волнениях 1902 г. и непродолжительный арест, после чего он не смог получить справку о политической неблагонадежности. Однако помимо формальной существовала неформальная устойчивая традиция профессионального выбора выпускников университета, когда благодаря личной склонности к научной работе и связям с бывшими учителями и коллегами, удавалось интегрироваться в научное пространство и стать ученым.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* Российская диссертационная культура XIX – начала XX веков в восприятии современников (К вопросу о национальных особенностях) // Диалог со временем. Вып. 36. Специальный выпуск: Интеллектуальная культура и ученые сообщества Европы в Новое время. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 221–247.
- Андреев А.Ю.* Историко-филологический факультет // Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь / Сост. А.Ю. Андреев, Д.А. Цыганков. М.: РОССПЭН, 2010. С. 277 – 279.
- Вернадский В.И.* 1911 год в истории Московской умственной культуры // Ежегодник газеты «Речь» на 1912 г. СПб., б.г. С. 323 – 341.
- Виноградов П.Г.* Проект нового университетского устава // Виноградов П.Г. Россия на распутье: Историко-публицистические статьи / Сост., предисловие и коммен-

⁴⁵ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 476. Д. 36. Протоколы заседания совета историко-филологического факультета за 1909 год. Л. 31, 33об, 40, 45, 61.

⁴⁶ ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 17. Отчеты о научных занятиях в 1920 г. (1918–1920). Л. 3.

- тарии А.В. Антощенко. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). С. 167–172.
- Выдрин Р.* Накануне нового университетского устава // Современный мир. 1910. № 2. Отд 2. С. 70–79.
- Гришина Н.В.* «Научное исследование... составляет мое истинное жизненное призвание»: мотивы вхождения в науку историков конца XIX – начала XX в. // Мир историка: историографический сборник / Под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Вып. 5. Омск: Изд-во ОмГУ, 2009. С. 152–177.
- Гришина Н.В.* «Анахронизм наших печальных дней»: российская диссертационная система на рубеже 1910–1920-х годов // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – XXI веков / Под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 172–180.
- Гутнов Д.А.* Подготовка кадров историков в Московском университете в конце XIX – начале XX вв. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 1991.
- Дмитриев А.Н.* Мобилизация интеллекта: Первая мировая война и международное научное сообщество // Интеллигенция в истории: Образованный человек в социальных представлениях и действительности. М.: ИВИ РАН, 2001. С. 296–335.
- Дмитриев А.Н.* Первая мировая война: университетские реформы и интернациональная трансформация российского академического сообщества // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / Под ред. Э.И. Колчинского, Д. Байрау. СПб: «Нестор-История», 2007. С. 236–255.
- Дмитриев А.* По ту сторону «университетского вопроса»: правительственная политика и социальная жизнь российской высшей школы (1900–1917 годы) // Университет и город в России (начало XX века) / Под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 105–204.
- Дружинин Н.М.* Воспоминания и мысли историка. М.: Наука, 1967.
- Завьялов Д.А.* Временные правила организации студенческих учреждений 22 декабря 1901 г. // Клио. Журнал для ученых. 2006. № 1. С. 105–111.
- Записка 342-х ученых // Неприкосновенный запас. 2005. № 6 (44). [Электронный ресурс]: URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/6/zaa12.html> (30.01.2012).
- Иванов А.Е.* Университеты России в 1905 г. // Исторические записки. М., 1971. Т. 88. С. 114–149.
- Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. СПб., 1991. 392 с.
- Иванов А.Е.* Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М.: Новый хронограф, 2004. 408 с.
- Иванов А.Е.* Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века. М.: Новый хронограф, 2010. 360 с., ил.
- Кеткова И.В., Телегина Э.П.* Сергей Иванович Архангельский // Портреты историков: Время и судьбы. В 2 т. Том 2. Всеобщая история. М.-Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000. С. 187 – 196.
- Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914. М., 1997. 398 с.
- Кузнецов А.* Сергей Иванович Архангельский (1882–1958): веки научного пути // Пиренн А. Средневековые города и возрождение торговли / Пер. с англ. С.И. Архангельского. Н.-Новгород, 2009. С. 146 – 168.
- Кузнецов А.А., Мельников А.В.* Новые источники по научной биографии С.И. Архангельского // Материалы II Нижегородской архивоведческой конференции. Чте-

- ния памяти А.Я. Садовского. Н.-Новгород: Изд-во Комитета по делам архивов Нижегородской области, 2006. С. 168–194.
- Маркин В.Л.* Студенты и преподаватели Московского университета в общественно-политической жизни России начала XX века. Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 2009. 29 с.
- Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1900 год. М., 1901.
- Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1901 год. М., 1902.
- Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1902 год. М., 1903.
- Савельева В.Г., Яковлев В.П.* Студенческая забастовка 1908 г. в Петербургском университете // Вестник ЛГУ. 1979. № 8. История, языкознание, литература. Вып. 2. С. 168–174.
- Сакулин П.Н.* Новый проект университетского устава // Вестник воспитания. 1906. № 4. С. 87–110.
- Свеишников А.В.* Социальный статус и поведенческие стратегии «дореволюционных аспирантов-историков» // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков / Под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 165–171.
- Сперанский Н.* Конфликт г. Кассо с Московским университетом, 1911 // Сперанский Н. Кризис русской школы. Торжество политической реакции. Крушение университетов. М., 1914. С. 109–114.
- Федотова С.Ю.* Становление политического сознания учащейся молодежи в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 2008.
- Цыганков Д.* Московский университет в городском пространстве начала XX века // Университет и город в России (начало XX века) / Под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 371–459.
- Яковлев В.П.* Студенческая забастовка 1911 г. и Петербургский университет // Вестник ЛГУ. 1983. № 2. История, языкознание, литература. Вып. 1. С. 14–19.
- Гришина Наталья Владимировна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России Челябинского государственного университета; natalyagrishina@mail.ru